ЕВРОПА 15.07.2019 | Федор Лукьянов

Дом больше не строится

Какой будет новая эпоха в отношениях ЕС и России

Несколько событий последнего времени, друг с другом практически не связанные, знаменуют переход Европы в другую фазу развития. Какой она будет, пока никто не предскажет. Но эпоха, которую можно было назвать «строительство общеевропейского дома» по чертежам, предложенным сразу после холодной войны, завершена.

Выборы в Украине окончились нежданным результатом, и не меньше, чем личность нового президента, впечатляет масштаб провала его предшественника. Порошенко, как бы ни относиться к нему лично, олицетворял четкое политическое мировоззрение и целеполагание для страны: любой ценой от России на Запад!

В другой стране общего соседства – Молдове – тоже случилось маленькое чудо. Заклятые оппоненты, разделенные по линии «за Россию – за Европу», объединили усилия, чтобы избавиться от приватизировавшего государство магната. Это объединение поддержали Москва, Брюссель и Вашингтон.

Парламентская ассамблея Совета Европы, которая на всех уровнях в течение пяти лет заявляла России, что по самым разнообразным причинам – от ценностных до процедурных – ей никак невозможно вернуться в благородное собрание, вдруг оперативно решила вопрос за считаные недели.

Массовые протесты в Грузии, спровоцированные незадавшимся явлением в тамошнем парламенте российского гостя, привели не к очередной пропагандистской канонаде с участием России, ЕС и США, а к вялому пожиманию плечами в духе «ну что там опять?».

Что происходит? Началось долгожданное сближение России и ведущих европейских стран после длительного кризиса? Едва ли. Просто меняется сама политико-идеологическая структура Европы.

Серьезная Европа

Ключ к пониманию процесса – в резкой реплике президента Франции Эммануэля Макрона после 20 часов бесплодных попыток выбрать новое руководство европейских структур 1 июля: «Нам пора кардинально менять правила. Пока мы не реформируем то, как работают наши межправительственные институты, нас не будут воспринимать на международном уровне. Нас не будут воспринимать наши собственные граждане, а хоть о каком-то расширении ЕС вообще невозможно даже заикнуться… Мы создаем впечатление, что Европа – это нечто несерьезное».

«Серьезная Европа» была несущим элементом конструкции, которая начала (как казалось, успешно) возводиться после холодной войны. Европа, пережив катастрофы XX века и выучив все уроки, становится образцом, если не прототипом политического устройства для всего мира.

Это были не просто слова. Холодная война завершалась под знаком двух лозунгов, оба, кстати, изначально исходили из Москвы, от Михаила Горбачева: «новый мировой порядок» и «общий европейский дом». В понимании последнего советского генсека и его единомышленников «новый мировой порядок» должен был возникнуть путем объединения усилий бывших противников на основе разумной конвергенции. То есть слияние, а ни в коем случае не поглощение, равноправное совместное созидание.

«Общий европейский дом» представлялся естественным ядром этого самого порядка. Вполне логично – именно разделенная Европа была символом и главной ареной противостояния второй половины прошлого века. И кому, как не ей, показать пример преодоления конфронтации – Парижская хартия и прочее.

Потом СССР не стало, а «новое политическое мышление» ушло в сокровищницу утопий прошлого. Но оба базовых понятия остались, только их смысловым наполнением занялись другие. «Новый мировой порядок» взял на вооружение Джордж Буш-старший, который понимал его как главенствующее положение Соединенных Штатов в изменившейся мировой системе. Любопытно, что устройство нового порядка нигде особенно не конкретизировалось, то есть подробного дизайна предложено не было – американское лидерство, да и все.

Зато «большая Европа» представлялась достаточно конкретным проектом в отличие от скорее абстрактных описаний «общего

европейского дома» горбачевского времени. Ее основой предполагались евро-атлантические институты – Европейский союз (официально созданный аккурат в момент распада СССР) и НАТО.

Их постепенное распространение на Восток должно было создать идейно-политическую и правовую базу европейского устройства. За счет либо вступления стран в состав этих организаций, либо привязки к ним путем ассоциации или каких-то еще форм принятия ими брюссельских норм и правил. К числу этих самых «форм принятия» относился, кстати, и Совет Европы, членство в котором считалось в девяностые годы входным билетом в «приличное общество».

От внешнего к внутреннему

Нет нужды в очередной раз описывать, что происходило дальше. Процесс экспансии евро-атлантических институтов в какой-то момент уперся в непреодолимые препятствия. Противодействие со стороны Москвы было лишь одним, хотя и самым заметным из них. Как бы то ни было, к середине текущего десятилетия Европа столкнулась со столь серьезными проблемами внутри самой «базы», в центре проекта, что вопрос обустройства чего-либо помимо себя самих отпал сам собой.

Символично совпадение по времени двух острых кризисов в Европе – украинского 2014–2015 годов и миграционного 2015 года. Евромайдан, активно поддержанный ЕС, должен был стать символом жизнеспособности европейской идеи. Это представлялось крайне важным не только и не столько с точки зрения распространения европейского влияния, но прежде всего в контексте скепсиса, ширившегося в самом Евросоюзе.

В итоге получился обратный эффект – мягкая сила ЕС напоролась на вполне жесткую со стороны России. А к такому ни Европа, ни Запад в целом готовы не были, что вызвало страх и фрустрацию.

Миграционный кризис, сопровождавшийся оптимистичными словами Ангелы Меркель «мы справимся», привел в движение глубинные националистические пласты в европейских обществах, что в полной мере сказывается только теперь, когда пик притока давно спал. Справиться, как планировали, не удалось.

Выборы в Европейский парламент зафиксировали новую реальность. Ее смысл не в торжестве антиеэсовских сил, как многие опасались, а в раздробленности политического поля, которая делает его

плохоуправляемым. О чем и стенает Макрон после переговоров с нескончаемым количеством участников, которых надо слушать и учитывать. Но по всем признакам это только начало, и ЕС предстоит полноценная трансформация, причем не обязательно планомерного характера, многое будет меняться спонтанно и само собой.

Изменение KPI

Европейский союз на годы погружается в решение своих внутренних проблем. Энергии, желания и ресурсов для того, чтобы заниматься внешним контуром, значительно убудет. Главная задача – минимизировать риски и издержки, исходящие от «соседства» – что с юга, где ЕС вообще не игрок, что с востока. Отсюда и перечисленные изменения.

Украину будут по возможности подталкивать к тому, чтобы зафиксировать менее конфронтационный статус-кво с Россией, благо это соответствует воле избирателей. Экономические дивиденды из ассоциации с Киевом ЕС уже извлек, а политических амбиций почти не осталось.

Молдова – попытка вернуть хоть какую-то дееспособность государственным институтам, чтобы они справлялись сами. Похоже, что заниматься соседом окончательно препоручат Румынии, им это важно, остальным нет. Грузия – нечто даже географически отдаленное, не приоритет.

Все перечисленные случаи не равны полной потере европейского интереса, скорее он переходит в другую категорию. В логике «большой Европы» страны «соседства» были достаточно значимой частью проекта, ведь одним из KPI, важным для устойчивости конструкции, считалось неуклонное расширение «европейской сферы». Отсюда и борьба, ведь Россия постоянно реагировала – и все более резко – на то, что она воспринимала как свое дальнейшее оттеснение вглубь Евразии.

Теперь мотивация изменилась. Евросоюз переходит на охранительные позиции, пользуясь языком заокеанского союзника – «EU first!» Это не изоляционизм, а прагматизм, который в случае с Европейским союзом как интеграционным объединением, построенным на наборе ценностей, означает пересмотр идейной базы и резкое снижение желания проецировать силу, в том числе и мягкую.

Совет Европы – новая роль

В этом контексте интересен случай ПАСЕ. И в России, и в Украине быструю смену позиции Ассамблеи обычно объясняют деньгами. Тридцать миллионов ежегодного взноса России – действительно немало. Но большое упрощение – сводить все к суммам. Уход России из Совета Европы, который был бы неминуем без возвращения прав делегации, в перспективе лишал бы всю организацию смысла существования.

Подавляющее число членов Совета Европы входят в Европейский союз либо с ним аффилированы (как Балканы). Армяно-азербайджанские или даже украинские проблемы слишком малы, чтобы посвящать им деятельность такой крупной структуры. В Совете Европы есть два государства, участие которых наполняет его реальным содержанием – Россия и Турция. Они же – регулярные смутьяны. Уход России стал бы прецедентом, которым при случае вполне мог бы воспользоваться и Эрдоган.

Если принять гипотезу об окукливании Евросоюза, то зачем тогда Европе сохранять Россию в этой организации, которая играла значимую роль на предыдущем, экстраверсивном этапе?

Деконструкция «европейского дома» означает другую ситуацию в Европе, гораздо более хаотичную. Коммуникация разных сегментов «европейского мира» каким-то образом должна быть налажена, тем более что в отличие от холодной войны четкой структуры конфликта не будет, она, скорее всего, окажется текучей и меняющейся.

Прежде основным инструментом считалась Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, порождение одновременно Хельсинкского заключительного акта и Парижской хартии для Новой Европы. Но она давно утратила дееспособность, поскольку нынешняя ситуация не напоминает ни период раздела Европы семидесятых-восьмидесятых, когда появилось СБСЕ, ни «большую Европу» девяностых-двухтысячных.

Военно-стратегические и гуманитарные «корзины», увязка которых была находкой участников хельсинкского процесса, в современной Европе не работает. Точнее, работает наоборот. Именно смешение ценностного с военно-политическим, обретение гуманистическим «добром» вооруженных «кулаков» (от кампании против Югославии и дальше) привело к фатальному кризису доверия в «большой Европе».

Сейчас Европа в военном плане несамостоятельна, но одновременно уже и неприоритетна для старшего товарища. А ценностная, гуманитарная однородность, к которой стремились с 1990-х годов, сначала не состоялась из-за проблем с посткоммунистическим пространством, а потом споткнулась еще и о рост национализма и нативизма в Западной Европе и явное мировоззренческое расхождение Старого и Нового Света.

Совет Европы, как ни удивительно, может претендовать на ту роль, которую ранее выполняла ОБСЕ – единственная площадка, объединяющая всех и предусматривающая наименьший общий знаменатель. Но теперь не для принуждения членов к некоей норме, а для поиска общего языка в условиях все более раздробленной Европы.

Стратегические диалоги, если они возобновятся, Россия все равно будет вести с США, а для всего остального Совет Европы вполне подходит, в том числе и потому, что Вашингтона с его нынешними своеобразными фортелями там нет.

Инстинкт самосохранения

Необычные события последнего времени – начало иного периода, который снова потребует самоопределения. В первую очередь это касается стран «совместного соседства», которые привыкли ощущать себя объектами острой борьбы, находиться в центре интереса, где политика означала постоянный «геополитический выбор». Что зачастую служило суррогатом стратегии собственного развития.

Что касается отношений России и Европейского союза, то им предстоит период, когда любого рода амбиции, скорее всего, неактуальны, а доминировать будет стремление сократить издержки и риски. По крайней мере до того, как глобальная перекройка ландшафта, которая проходит и на глобальной арене, и внутри всех значимых стран, не приведет к появлению хотя бы общих контуров на будущее. Дом строить больше не будут. Но, может быть, хотя бы обойдутся без фортификационных сооружений.

Данная статья впервые вышла на сайте Московского Центра Карнеги и публикуется с разрешения правообладателя

Федор Лукьянов

Москва

Федор Лукьянов (Fyodor Lukyanov) - главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике.

-